

УДК 82.3
ББК 83

О.А. Маркелова

РЕЦЕПЦИЯ «САГ ОБ ИСЛАНДЦАХ» В СОВРЕМЕННОМ ИСЛАНДСКОМ ДЕТЕКТИВЕ

В романах «Неясное время смерти» (2004) Трауинна Бертельссона, «Холодна чужая кровь» (2007) и «Много ушей у льва» (2010) Тоурюни Эртлю-Вальдимарсдоттир действие трёх известнейших родовых саг перенесено в современный Рейкьявик. Саговые по происхождению персонажи получают иной, чем в древнеисландских текстах, социальный статус и оценку, но их судьба не изменяется.

Для авторов детективных романов важно не тщательное воспроизведение древних текстов, а напоминание о них. Важный для национальной культуры знак приближается к читателю, не теряя своей знаковой природы.

Ключевые слова: *современная исландская литература, саги об исландцах, исландский детективный роман, рецепция, интертекстуальность.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-1-156-166

Маркелова Ольга Александровна – канд. филол. наук, независимый исследователь
Тел.: 8-903-157-22-23
E-mail: dimentionen@yahoo.dk

© Маркелова О.А., 2019.

Древнеисландские тексты, не в последнюю очередь, саги, в современной Исландии изучаются в программах учебных заведений, цитаты из них давно вошли в культурных обиход исландцев в качестве крылатых выражений, а герои – в качестве прецедентных персонажей. Сами древние тексты имеют в исландском обществе статус «великого культурного наследия». Обращение к «сагам об исландцах» у современных исландских авторов может происходить в произведениях разных жанров: исторических романах, стихотворениях, книгах, адресованных детям... Рецепция древнеисландской словесности в исландских детективных романах 2000 – 2010 гг. пока ещё слабо исследована даже в самой Исландии (существуют лишь рецензии на конкретные произведения).

Исландский детективный роман – весьма молодой жанр. На протяжении почти всего XX в. исландцы довольствовались лишь зарубежными образцами подобной литературы. Дело здесь не только и не столько в пренебрежении исландской литературной общественности к жанру, считавшемуся «низовым». В силу особенностей исландского социума – его малочисленности и обозримости, – попытки создать сюжет о целом вымышленном зловещем или таинственном событии на исландском материале долгое время были обречены на провал [Dagný Kristjánsdóttir, 2011, bls. 259].

Лишь к рубежу XX – XXI вв. социум в Исландии стал настолько велик, что в нём появилось место для тайны, в т.ч. зловещей. Первый

роман наиболее знаменитого исландского автора, работающего в детективном жанре, Арнальда Индридасона, вышел в свет в 1997 г. [Dagný Kristjánsdóttir 2011, bls. 259].

Хотя генезис исландского детективного романа не имеет ничего общего с древнеисландской прозой, у детективов и «саг об исландцах» есть «точки пересечения», которые сложно не заметить. Не новость, что в классических родовых сагах встречаются сюжетные линии, сходные с детективными. (Наиболее яркий пример – «Сага о Гисли», в которой остаётся неясным, кто убил Вестейна, побратима Гисли; об этом необходимо самостоятельно догадаться и герою, выполняющему долг кровной мести, и читателям). Типичный для саг событийный ряд: сложные человеческие взаимоотношения, приводящие к вражде, необходимость найти и покарать убийцу, судебные процессы, – может напоминать событийный ряд современного остросюжетного детектива.

К XXI в. родовые саги в исландской культуре – уже однозначно высокостатусные тексты, «литературная классика», к которой «простые» читатели уже редко возвращаются после её обязательного «прохождения» в системе образования. При этом знание родовых саг читателями всегда востребовано. Среди детективов к этому времени уже появляются «интеллектуальные» романы вроде текстов Умберто Эко и Дэна Брауна. Таким образом, жанр, пользующийся колоссальной популярностью у читателей, но больше не являющийся однозначно низовым, может оказаться удобной формой для приближения современной исландской аудитории к материалу классических родовых саг.

В этой связи становится важен вопрос: как трансформируется сага при её «превращении» в детектив?

Объектом исследования в данной статье будет небольшая группа текстов, созданных в первом десятилетии XXI в. и сразу обративших на себя внимание в исландской литературной жизни. Речь идёт о детективных романах, в основу сюжета которых в той или иной степени положены известные родовые саги. Это «Неясное время смерти» (Dauðans óvissi tími, 2004) Трауинна Бертельссона, где используются персонажи и сюжет «Саги о названных братьях», и два романа Тоурюни Эртлю-Вальдимарсдоттир – «Холодна чужая кровь» (Kalt er annars blóð, 2007) и «Много ушей у льва» (Mörg eru ljóns eyru, 2010); в основе первого лежит «Сага о Ньяле», в основе второго – «Сага о людях из Лососьей долины». Судя по всему, список современных исландских детективных романов, использующих сюжеты и персонажей саг, исчерпывается этими тремя текстами. Кроме них есть ещё как минимум два романа, где центральную роль в сюжете играет некий текст древнеисландской литературы в своей предметной ипостаси – древняя рукопись: «Королевский кодекс» Арнальда Индридасона (Arnaldur Indriðason. Kónungsbók, 2006) и «Загадка острова Флатэй» Виктора Артнара Ингоульвссона (Viktor Arnar Ingólfsson. Flateyjargata, 2002)³.

В задачи данной статьи не входит анализ или описание самих древнеисландских саг, лёгших в основу рассматриваемых современных текстов.

Во всех трёх рассматриваемых здесь текстах связь с сагами обнаруживается на уровне персонажей и содержательной стороны. Переключка с саговой стилистикой спорадически возникает лишь в первом из романов, отсылки к «крылатым выражениям» из саг везде крайне малочисленны. Во всех трёх романах основные сюжетные линии и основные персонажи конкретных саг переносятся в современный исландский социум. Крупный исландский саговед Хеймир Паульссон в своей рецензии на роман «Холодна чужая кровь» называет такой способ обращения с древнеисландским материалом методом, обратным методу исторического романа: не «читатель переносится в Средневековье», а автор детектива «переносит Средневековье к читателю» [Heimir Pálsson 2008, bls. 129].

Трауинн Бертельссон «Неясное время смерти»

Жанровую природу этого романа легче всего определить как политический «роман с ключом». В тексте выведена обширная галерея исландских и зарубежных (в частности, российских) политиков, банкиров и бизнесменов, имена которых напоминают имена реальных лиц². Убийства, которые поручено расследовать главному персонажу – полицейскому, происходят в среде крупных олигархов, а их виновниками оказываются представители международного преступного сообщества.

Одна из сюжетных линий «Неясного времени смерти» отсылает к «Саге о названных братьях». Саговые герои – побратимы Торгейр и Тормод – сохраняют в романе свои имена и основные характеристики: точно так же, как и в саге, Торгейр любит оружие и риск, Тормод жаждет поэтической славы (в саге Тормод скальд, у Трауинна Бертельссона – несостоявшийся музыкант, мечтающий сочинить песню для «Евровидения»). Характеристика этих изначально саговых персонажей углубляется за счёт экскурса в их прошлое (не коррелирующего с событиями саги): они стали побратимами во время совместного пребывания в детстве, где им пришлось сообща противостоять агрессии старшего мальчика. Как и в саге, герои отправляются на поиски славы и богатства, но их «подвиг» сводится к ограблению банка, которое приносит им лишь смехотворную сумму, но влечёт за собой убийства, необходимость скрываться и в конце концов перестрелку с полицией, во время которой Торгейр гибнет.

В романе у «названных братьев» есть двойники: там подробно освещена деятельность двоих олигархов – банкиров Харальда Рурикссона и Рунара Гвюдмюндссона, которые аттестуются как «побратимы». Любопытно, что при двойном «наборе» побратимов в романе нет фигуры, однозначно соответствующей конунгу Олаву (с которым соответствующие герои активнее всего взаимодействовали в саге), даже несмотря на обилие среди персонажей высокопоставленных лиц из политической и банковской сферы.

Отсылки к конкретным эпизодам «Саги о названных братьях» могут появляться без связи друг с другом и далеко не всегда лежат на поверхности. Так, во время ограбления банка Торгейр убил случайного

прохожего. Тормод спрашивает его: *«Как тебе пришло в голову застрелить того человека?»* Ответ Торгейра звучит: *«Он стоял на таком удобном расстоянии»*. [Þráinn Bertelsson 2004, bls. 113].

Читатель, хорошо знакомый с древнеисландской прозой, узнает в этом ответе реплику Торгейра в схожей ситуации в саге (ставшую крылатым выражением): *«Ничем он меня не обидел, но я взаправду не смог удержаться, раз он встал так удобно для удара»* [Сага о названных братьях 2000, с. 213].

Эпизоды, восходящие к саге, могут иметь отношение даже не к побратимам-грабителям, а к их двойникам-банкирам. Рунар обезглавлен, а его отрубленную голову убийцы подбрасывают в холодильник на рабочем месте Харальда, – и Харальд начинает вынашивать планы мести. В саге сообщается, что после того, как Торгейр пал в стычке со своими врагами, они отрезали ему голову и какое-то время возили с собой и глумились над ней [Там же, с. 166–167], а месть Тормода за побратима – важное для повествования событие.

Иногда отсылки к саге могут проявляться в романе в виде скрытых цитат. Яркий пример здесь – описание чувств Тормода при совершении им первого убийства (в данном случае жертва – человек, унижавший его): *«С грохотом сердцебиения в ушах и алым туманом перед глазами он усилил хватку и затянул верёвку на шее всех тех, кто до этого момента выпускал в него зазубренные стрелы, поражающие в самое сердце»* [Þráinn Bertelsson 2004, bls. 47]. Здесь имеется в виду эпизод смерти Тормода Кольбрунарскальда в саге, раненного в сердце стрелой с зазубренным наконечником [Сага о названных братьях, 2000, с. 199 – 201].

Некоторые черты саговой стилистики в «Неясном времени смерти» появляются при введении персонажей в повествование. Описания внешности героев изобилуют саговыми формулировками. Абсолютно все персонажи, даже эпизодические, названы по именам, и у большинства персонажей второго и даже третьего плана описывается некая часть биографии, даже если она не имеет прямого отношения к сюжету. (Например, «предыстория» тайландской уборщицы, обнаружившей труп Рунара).

Сюжет романа строится вокруг концепта «викинги». Полицейский, расследующий убийства, носит символичное имя Викинг Гюннарссон. Роман открывается речью, которую произносит на банкете в честь неких российских бизнесменов Харальд и в которой много внимания уделяется эпохе викингов; здесь же упоминается «Герпла» – роман Хатльдоура Кильяна Лакснесса, также интерпретирующий – и, по некоторым мнениям, пародирующий – «Сагу о названных братьях» [Þráinn Bertelsson 2004, bls. 13 – 14].

Однако вскоре становится ясно, что этот основополагающий концепт в романе двойится. С одной стороны, воплощением викингской удали без сомнения являются Торгейр и Тормод. С другой стороны, применительно к общественной жизни Исландии прошлого десятилетия, концепт «викинги» может ассоциироваться понятием „*útrásarvíkingar*“ (от

слова „útrás“ – «экспансия»); такое название закрепилось за исландскими олигархами-коррупционерами, деятельность которых стала одной из причин кризиса 2009 г. Но Торгейр и Тормод с их удачью и любовью к рискованным предприятиям в романе Трауинна Бертельссона оказываются на дне социума: то, что в «век саг» считалось доблестью, в наши дни считается девиантным поведением [Óttar Guðmundsson, 2012, bls. 105]. В современной Исландии прочного положения добиваются именно „útrásarvíkingar“, усвоившие истину: *«Для того, кому нужны деньги, гораздо разумнее возглавлять банки, чем грабить их»*. [Þráinn Bertelsson 2004, bls. 54]. История саговых по происхождению героев в этом романе – лишь один из штрихов в масштабной картине общественной ситуации предкризисных лет.

Основополагающие для древнеисландских родовых саг концепты в романе подвергаются критике. Один из таких концептов – понятие кровной мести. Показательно, что в финале романа раскаявшийся убийца Рунара объясняет, что им двигало желание отомстить, и даёт своим действиям такую оценку: *«Я думал, что месть связана с поддержанием своего достоинства. К сожалению, это было неправдой. Мечь унижает человека. И ударяет по невиновным»*. [Ibid., bls. 371]. Разумеется, такое представление о мести диаметрально противоположно системе ценностей древнеисландского общества эпохи народовластия. Перенести события и героев саги в современный социум без кардинальных изменений оказывается невозможным.

Тоурюни Эртлю-Вальдимарсдоттир «Холодна чужая кровь»

В этом романе связь с «Сагой о Ньяле» заявлена уже в заглавии: оно представляет собой аллюзию на фразу из «Саги о Ньяле» «Холодные советы женщин» (Köld eru kvenna ráð), ставшей в современном исландском языке крылатым выражением (речь в ней идёт о женщинах, подстрекающих к кровной мести, конкретно – о такой героине этой саги, как Халльгерд Лангброк).

Многие из главных действующих лиц романа соответствуют главным персонажам «Саги о Ньяле». При этом социальный статус персонажей неизбежно корректируется в соответствии с реалиями нынешнего общества. Ньяль (в романе он получает имя Нильс) становится депутатом, Халльгерд (Хатла) – гламурной моделью. Некоторые метаморфозы, происшедшие с социальной ролью персонажа, не всегда можно удовлетворительно объяснить чем-либо кроме авторского произвола. Так, персонаж романа, соответствующий непобедимому воину Гуннару из Хлидаренди, в саге – виолончелист, к тому же связанный с рейкьявикскими наркодилерами.

Любопытно, что в этом романе отсутствуют какие-либо персонажи, которые соответствовали бы сыновьям Ньяля, в том числе Скарпхедину, притом, что в саге эти сыновья – одна из основных движущих сил конфликта. У Тоурюни сюжетная линия, восходящая к саге, из масштабной

распри, охватывающей весь социум, превращается всего лишь в личное противостояние между Хатлой и женой Нильса Беггой.

Повествование осложнено сюжетными линиями, не связанными с сагой: убийством бывшего жениха Хатлы Эдди (Öddi), и взаимоотношениями Хатлы и Гуннара с представителями рейкьявикского «дна». Линия, восходящая к «Саге о Ньяле», изначально и не является основной, а встраивается в сюжетную линию о загадочном убийстве на пустоши близ города Акюрейри, раскрыть которое поручено следователю Лео – одному из центральных персонажей романа, имеющему несаговое происхождение. Связь обеих сюжетных линий проясняется постепенно.

Однако событийный ряд саги воссоздаётся не во всём. Речь всегда идёт только об основных событиях саги, легко узнаваемых среднестатистическим исландским читателем. В романе «Холодна чужая кровь» это: поездка персонажа по имени Хрут за рубеж (в ходе которой он изменил своей невесте и пал жертвой заклятья), вражда Халльгерд и Бергторы (Хатла и Бегга в романе), дерзкая реплика обиженной Халльгерд на пиру у Бергторы; пощёчина, которую Гуннар даёт жене, уличив её в неблагоприятном поступке, гибель Гуннара, пожар, в котором гибнут Ньяль и Бергтора (Нильс и Бегга).

Порой описание и осмысление ключевых для саги событий в романе может существенно отличаться от текста саги. Яркий пример здесь – гибель Гуннара. В саге во время своей последней стычки с врагами Гуннар просил у Халльгерд прядь волос, чтоб сплести для своего лука новую тетиву взамен лопнувшей, – а у Тоурюнн Эртлю-Вальдимарсдоттир персонаж, застигнутый врасплох, просит у Хатлы телефон, чтоб позвонить и попросить помощи. [Þórunn Erlu-Valdimarsdóttir 2007, bls. 258 – 260].

При этом никакого сражения или драки не происходит – т.е., эпизод, который бы соответствовал одному из самых драматичных и важных эпизодов «Саги о Ньяле», в романе отсутствует, и героя убивают сразу.

Сцена пожара (в саге кульминационный и самый драматичный эпизод) в романе отсутствует полностью: лишь кратко сообщается, что следователя Лео вызвали расследовать поджог квартиры Нильса и Бегги, которые задохнулись в дыму во сне. [Ibid., bls. 297].

Интертекстуальные связи с древнеисландской прозой в романе буквально обнажены. Персонажи – вполне предсказуемо для современных исландцев – знают о существовании «Саги о Ньяле» и даже читали её в колледже, но применить своё знание древней литературы для решения собственных проблем они не в состоянии. [Ibid., bls. 147 – 148].

Стилистика романа «Холодна чужая кровь» диаметрально противоположна сагам с их лапидарностью и претензией на объективность. Роман изобилует подробными описаниями внутренних переживаний различных персонажей (в т.ч. несаговых по происхождению: Аусы, следователя Лео и его коллег). Описания фатальных столкновений между теми или иными героями часто заменены описанием их последствий (речь идёт не о самих убийствах, а о находках трупов, которые предсто-

ит опознать, и т.д.). Какого-либо всеведущего рассказчика в романе нет, и события описываются исключительно с точки зрения тех или иных персонажей, – в числе которых присутствуют даже анонимный убийца, застреливший Эдди из охотничьего ружья, и ворон, летящий над центром Рейкьявика. Одно и то же событие может описываться несколько раз с точки зрения разных персонажей.

В финале романа есть примечательный эпизод: Хатла в порыве дерзости стреляет из ружья в памятник Йоуну Сигурдссону (лидеру исландского национально-освободительного движения), стоящий напротив парламента. Сначала этот эпизод даётся с точки зрения ворона [Ibid., bls. 279 – 282], затем – Хатлы, которая замечает его: *«И несмотря на всё пережитое она не может удержаться от ухмылки... Там ворон! Прямо сейчас! Круто и подходит по стилю ко всей сцене!»* [Ibid., bls. 293]. Когда героине выносят приговор за все её преступления, выстрел в памятник формально классифицируется как порча государственного имущества, а символическое значение этой статуи уже оказывается неактуальным. В связи с этим поступком героини и Ауса, и следователь Лео очень скептически высказываются об этом памятнике и вообще Йоуне Сигурдссоне и об исландском национальном движении и борьбе за независимость. Из этого можно сделать вывод: если и есть какие-то другие знаки и символы, традиционно считающиеся связанными с исландской идентичностью, то в современном контексте они уже «не работают», – в то время как саги продолжают «работать».

Тоурюни Эртлю-Вальдимарсдоттир «Много ушей у льва»

Как отмечает рецензент этого романа, в нём связь с «Сагой о людях из Лососьей долины» настолько важна для автора, что именно она выходит на первый план в романе, а собственно детективная линия (расследование убийства) оказывается менее существенна [Ásdís Sigmundsdóttir 2010, bls. 12].

Роман открывается посвящением автору «Саги о людях из Лососьей долины». Стилистика и манера повествования в целом мало отличаются от предыдущего романа того же автора. Центральная сюжетная линия романа в целом воспроизводит основные события обозначенной в посвящении саги с сохранением саговых персонажей и их взаимоотношений. Разумеется, положение персонажей корректируется с учётом современных реалий. Кьяртан Оулавссон – историк, а его друг и родственник Ботли – художник. Взаимоотношения героев осложнены их имущественным неравенством: Ботли – сын богатых родителей. Семьи Кьяртана и Ботли связаны общими событиями прошлого, но трактовка этих событий обеими семьями неодинакова: первые воспринимают это прошлое как блестящее, вторые – как позорное. Бабушка Кьяртана (фигура, соответствующая Мелькорке в саге), в соответствии с реалиями времени, не ирландская рабыня, а польская беженка по имени Маркефка, спасающаяся в Норвегии от нацистов. Её «немота», в саге трактуемая буквально (героиня притворяется немой), в романе осмысливается исклю-

чительно в переносном значении: она не владеет иностранными языками и не может общаться в чужой стране). [Þórunn Erlu-Valdimarsdóttir 2010, bls. 98 – 107].

Как и в рассмотренном ранее романе Тоурюнн, здесь сюжетная линия, основанная на саге, развёртывается параллельно с несаговыми сюжетами о любовно-семейных отношениях у следователя Лео (того же, что и в предыдущем романе). Также там присутствуют отсылки к роману «Холодна чужая кровь»: в повествование вплетается рассказ о некоторых событиях из этого романа: взаимоотношениях Лео и Аусы, найденном близ Акюрейри трупе, убийстве виолончелиста (Гюннара) в Рейкьявике... [Ibid., bls. 186].

В начале романа Лео в связи с расследованием убийства встречается с телеведущей Гвюдрун Оудинсдоттир (которая недвусмысленно соответствует Гудрун Освивсдоттир – главной героине саги). Как и её саговый прототип, Гвюдрун получает пророчество о своих будущих четырёх браках, которым суждено окончиться неудачно. В саге это были вещие сны, а в романе – карточное гадание; это пророчество кажется героине настолько мрачным, что она требует дать ей вытащить ещё одну карту, – значение которой записывает у себя как „*happiness*“. [Ibid., bls. 42 – 43]. Смысл этой карты раскрывается в финале романа, после того как сюжет саги получает неожиданное дополнение в виде романтической связи героини с Лео. Примечательно, что современные исландские авторы, использующие в своих романах материал древнеисландской прозы, не дают саговым по происхождению персонажам другую судьбу, нежели в их литературном первоисточнике: персонаж, соответствующий Ньялю, всегда непременно обречён сгореть. (Очевидно, судьба таких персонажей осмысливается как часть их индивидуальности). Судьба Гвюдрун в романе «Много ушей у льва» нарушает эту сложившуюся тенденцию.

Рецепция древнеисландских родовых саг в современном исландском детективе имеет следующие черты. Из саг берутся только основные персонажи, можно сказать – знаковые, однако не всегда они присутствуют в современных детективных романах именно в таком составе, в каком они были в саге. Узнаваемые события из известных родовых саг могут появляться в романах не в том порядке, не с теми мотивировками и не совсем с теми последствиями, что в самих сагах, а сюжетные линии сагового происхождения являются в этих романах не единственными. При перемещении саговых героев в современность у них сохраняются те черты характера, которые привели к развитию событий, описанному в соответствующей саге, как правило, без существенных изменений остаётся судьба.

Разумеется, интерпретация саг разными авторами отличается. В романах Тоурюнн Эртлю-Вальдимарсдоттир перемещение саговых сюжетов и персонажей в современный социум приводит к выводу, что современность мало отличается от эпохи саг. («Тоурюнн сочиняет свою историю так, что именно «Сага о Ньяле» проливает свет на современность, а не наоборот» [Heimir Pálsson 2008, bls. 129]). В романе Трауинна

Бертельссона качества, ценившиеся в эпоху викингов, в наши дни оказываются не востребуемым или прямо нелепыми, а от современных «викингов» требуется совсем другое, – однако это вовсе не значит, что люди с первым и вторым сценарием поведения поступают правильно. (Коль скоро речь идёт о детективном романе, восхищения теми, кто убивает, здесь не может быть в принципе).

Очевидно, для авторов детективных романов важно не воспроизведение саговых сюжетов как таковых, а прежде всего *напоминание* об этих древних текстах, обладающих знаковым статусом в современной исландской культуре. Существенной оказывается сама манифестация связи с древнеисландской прозой. Саговые сюжеты и персонажи маркируют пространство данного детектива как «исландское». Для нерафинированного читателя появление в детективах саговых сюжетов несёт информацию о том, что высокостатусные тексты, вопреки расхожему мнению, отнюдь не скучнее, чем популярные. Здесь мы имеем дело с «оживлением» важного для данной национальной культуры знака: он приближается к читателю, но не теряет своей знаковой природы.

Примечания

¹ Исследования, посвящённые этим романам, см. в: *Studies in the Transmission and Reception of Old Norse Literature: The Hyperborean Muse in European Culture*. Turnhout: Brepols 2016.

² Рецензент «Неясного времени смерти» отмечает, что из-за чрезвычайного сходства некоторых персонажей с реальными лицами роман в своё время попал в центр внимания юристов [Erna Erlingsdóttir 2005, bls. 97].

³ В списке литературы принят порядок, применяющийся в исландских библиографиях и трудах отечественных исландистов: так как у абсолютного большинства исландцев отсутствуют фамилии (есть только имена и отчества), исландские авторы вносятся в библиографические списки на ту букву, с которой начинается их личное имя.

Литература

Сага о названных братьях // Исландские саги / пер. с древнеисландского языка, общая редакция и комментарии А. В. Циммерлинга. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 118 – 201.

Сага о Ньяле. // Исландские саги: в 2 т. / под общ. ред. О.А.Смирницкой. Т. 2. СПб.: «Летний сад», 1999. С. 47 – 370.

Сага о людях из Лососьей долины // Исландские саги: в 2 т. / под общ. ред. О.А.Смирницкой. Т. 1. СПб.: «Летний сад», 1999. С. 217 – 410.

Ásdís Sigmundsdóttir. „Flutningur Laxdælu til nútímans“ // Spassía, vetur 2010 (1), bls. 12

Dagný Kristjánsdóttir. Öldin öfgafulla. Bókmenntasaga tuttugustu aldarinnar. Reykjavík, Bjartur 2011. 310 bls.

Erna Erlingsdóttir. „Bisness og blóðhefnd“ // Tímarit Máls og menningar 3/2005, bls. 97 – 102.

Heimir Pálsson. „Grein um sögu og glæp“ // Tímarit Máls og menningar 3/2008, bls. 128 – 134.

Íslensk bókmenntasaga. bd. V. Reykjavík, Mál og menning, 2006. 790 bls.

Óttar Guðmundsson. *Hetjur og hugarvél. Geðsjúkdómar og persónuleikaraskanir í íslendingasögum*. Reykjavík, JPV útgáfa 2012. – 240 bls.

Þórunn Erlu-Valdimarsdóttir. *Kalt er annars blóð. Skáldsagan um glæp*. Reykjavík, JPV útgáfa, 2007. 332 bls.

Þórunn Erlu-Valdimarsdóttir. *Mörg eru ljónsins eyru*. Reykjavík, JPV útgáfa, 2010 324 bls.

Þráinn Bertelsson. *Dauðans óvissi tími*. Reykjavík, JPV útgáfa, 2004 – 371 bls.

References

Saga o nazvannykh brat'yax. In: *Islandskiyе sagi*. A.V. Cimmerling (ed.). Moscow, «Yazyki slavyanskoy kul'tury», vol. 1, 2000, pp. 118-201. (In Russian).

Saga o N'yale. In: *Islandskiyе sagi*. O.A.Smirniczkaya (ed), vol. 2. SPb, «Letniy sad», 1999, pp. 47-370. (In Russian).

Saga o lyudyax iz Losos'ey doliny` In: *Islandskiyе sagi*. O.A.Smirniczkaya (ed), vol. 1. SPb., «Letniy sad», 1999, pp. 217-410. (In Russian).

Ásdís Sigmundsdóttir. „*Flutningur Laxdælu til nútímans*“. Spassía, vetur 2010 (1), bls. 12.

Dagný Kristjánsdóttir. *Öldin öfgafulla. Bókmenntasaga tuttugustu aldarinnar*. Reykjavík, Bjartur 2011. – 310 bls.

Erna Erlingsdóttir. „*Bisness og blóðhefnd*“. *Tímarit Máls og menningar* 3/2005, bls. 97-102.

Heimir Pálsson. „*Grein um sögu og glæp*“. *Tímarit Máls og menningar* 3/2008, bls. 128-134.

Íslensk bókmenntasaga. bd. V. Reykjavík, Mál og menning, 2006. 790 bls.

Óttar Guðmundsson. *Hetjur og hugarvél. Geðsjúkdómar og persónuleikaraskanir í íslendingasögum*. Reykjavík, JPV útgáfa 2012. 240 bls.

Þórunn Erlu-Valdimarsdóttir. *Kalt er annars blóð. Skáldsagan um glæp*. Reykjavík, JPV útgáfa, 2007 – 332 bls.

Þórunn Erlu-Valdimarsdóttir. *Mörg eru ljónsins eyru*. Reykjavík, JPV útgáfa, 2010 – 324 bls.

Þráinn Bertelsson. *Dauðans óvissi tími*. Reykjavík, JPV útgáfa, 2004 – 371 bls.

Olga A.Markelova (Moscow, Russian Federation)

Perception of the Sagas Of Icelanders in Modern Icelandic Crime Novels

In modern Icelandic society the Old Icelandic literature is an important national topos, and using it as the material for crime stories is a well-chosen form for making this „great literary heritage“ closer to the reader. The origin of Icelandic crime stories has nothing in common with the Old Icelandic prose, but these genres have some „intersection points“.

This paper deals with three crime novels: „The Uncertain Time of Death“ (Dauðans óvissi tími, 2004) by Þráinn Bertelsson and the two novels by Þórunn Erlu-Valdimarsdóttir: “Cold Is the Other’s Blood” (Kalt er annars blóð, 2007) and “The Lion Has May Ears” (Mörg eru ljóns eyru, 2010).

„The Uncertain Time of Death“ uses the „Fóstrbræðra Saga“ (The Saga of the Sworn Brothers). The plot of the novel is based on the „viking“ concept; but what was considered valour in the Saga age, is regarded as a deviant behaviour nowadays. The position of the saga heros in the modern

society is miserable, and the main concepts of the viking age (e.g. feud) are subjected to criticism.

In the novel “Cold Is the Other’s Blood” many persons correspond to the persons of “Njal’s Saga”, but the plot of the saga is not wholly re-created in the novel, there are only revealed the main events. The style of the novel is quite the opposite to the saga style. There are episodes in the novel which demonstrate, that the sagas still are important for modern Icelanders, while some other national symbols may already cease to „work“.

“The Lion Has May Ears” reproduces the plot and the main persons of the „Laxdæla Saga“ and has some non-saga plot lines along with it. The fate of Guðrún Ósvifsdóttir receives an unexpected addition in the novel. (Normally, in modern Icelandic prose the fortune of persons of the saga origin does not change).

For the authors of the crime novels there is more important not to follow the ancient texts thoroughly, but to create a reminder of those texts, to manifestate their connection to the Old Icelandic literature. The symbol, important for the particular national culture, is made „alive“ and gets „closer“ to the reader without losing its symbolic nature.

Key words: *modern Icelandic literature, the sagas of Icelanders, Icelandic crime novel, perception, intertextuality.*

Olga A. Markelova – candidate of Philology, independent researcher.
Moscow, Russian Federation.

Phone: 8-903-157-22-23

Email: dimentionen@yahoo.dk